

Минобороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Это управление является в России главным по подсчету военных потерь (раньше оно называлось Военно-мемориальным центром).

По мнению Александра Кирилина, цифру в 26,6 млн, конечно, нельзя назвать абсолютно точной, но в отличие от всех предыдущих она является документально обоснованной. С ним согласен профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета Иван Анферьев:

– В серьезных научных кругах, в том числе зарубежных, официальную оценку общих потерь Советского Союза в 26,6 млн человек считают вполне правдоподобной. Но эта цифра обозначает, скорее всего, нижний предел всех потерь. О верхнем мы никогда не узнаем, объективно рассчитать его невозможно. Понятно только, что погибших было гораздо больше.

Двадцатилетний капитан

Марк Иванихин оказался на войне в 18 лет и дошел до Берлина. Его «катюши» наводили страх на противника, а его солдаты были ему как семья.

Он прошел Сталинград и Курскую дугу, освобождал Польшу, штурмовал Берлин. Наград у Марка Павловича огромное количество. Орден Александра Невского, орден Отечественной войны 1-й степени, два ордена Отечественной войны 2-й степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». И это еще не полный список.

Сейчас Марк Иванихин – председатель Совета ветеранов Восточного административного округа Москвы. В его кабинете постоянно кипит работа. Приносят на подпись документы, проходят переговоры, постоянно звонит телефон. Идет подготовка к 70-летию Великой Победы. Мероприятий много, приходится все успевать, несмотря на возраст. Марку Павловичу скоро исполнится 93 года, но он полон сил.

Войну полковник помнит, как будто она была вчера. Когда началась война, Марк Иванихин был курсантом 1-го Московского артиллерийского училища. Оно выпустило первых офицеров, воевавших на «катюшах». Там же преподавал отец Марка Павловича. Будущий командир батареи всегда мечтал о военной карьере, но не думал, что в бой придется идти так скоро.

– 22 июня я сдвиг в Большой театр за билетами на оперу, – рассказывает Марк Павлович. – Трамвай затормозил на остановке под названием «Коровий брод», там находился большой репродуктор. Из тут из него раздалось сообщение об объявлении войны. Уже дома мы с отцом быстро собрались и отправились в училище.

В начале октября 1941 года курсантский дивизион М-13, где служил Марк Павлович, выдвинулся на фронт, под Волоколамск. Воевали до 30 октября, а после всех вызвали обратно в училище. Там стали проводить серьезную строевую подготовку. Иной раз по 12 часов в день. Единственным отдыхом был сон на нарах в блиндаже. Как оказалось, курсантов готовили к па-

раду на Красной площади. Накануне всем выдали полноценное новое обмундирование. А 7 ноября ребят подняли в 4 часа утра. Погода была холодная и снежная. Москва на осадном положении, повсюду оборонительные сооружения, баррикады из песка. Батальон шел пешком через Хорошевку и Белорусский вокзал и уже на Красной площади построился спиной к Историческому музею.

– Мы открывали парад, – говорит Марк Павлович. – Я никогда не забуду выступление Сталина. Он тогда сказал, что война продлится полгодика-годик. Но мы понимали, что гнать фашистов придется намного дольше.

После курсанты доучивались в Миассе, на Урале. И по окончании училища Марка Иванихина назначили в 79-й Гвардейский минометный полк. Было

Немец бросал на нас невероятное количество танков, авиация ходила чуть ли не по головам. Нас давили, взрывали и расстреливали

много тяжелых боев, смертей, риска и тягот войны. Тысячу раз мог погибнуть, однако Марк Павлович даже не был серьезно ранен – повезло. Благодарит он за это святого Сергия Радонежского. Еще в 9-м классе нашему герою довелось побывать на экскурсии в Троице-Сергиевой лавре и прикоснуться к раке с мощами величайшего подвижника русской земли. Его заступничество Марк Павлович чувствовал все долгое и страшное военное время. Снаряд, упавший всего в четырех метрах от комбата, не разорвался. Спас неисправный взрыватель, а это вероятност один к миллиарду. В другой раз получилось проехать по минному полю ночью, без света фар, не задев ни одной мины. А в деревне Козычево во время бомбежки и обстрела Марк Павлович лежал на открытой местности (не успел добраться до укрытия) и не был задет... Но в памяти сохранились и самые жуткие моменты войны.

– Самый страшный бой – это

Курская дуга, – вздыхает Марк Павлович. – Немец бросал на нас невероятное количество танков, авиация ходила чуть ли не по головам. Нас давили, взрывали и расстреливали. А надо было при этом поражать вражеские цели, укрывать технику и беречь своих солдат. Мне всего двадцать лет тогда было и очень хотелось жить. Я уже командовал батареей, от моих приказов зависела и жизнь солдат. Я должен был подавать пример. Не дай Бог командир струсит, тогда и солдаты побегут. И боевая задача будет провалена. А это штрафбат или расстрел...

Не меньший ужас вселил в советских солдат и лагерь Майданек с его оставшимися в живых узниками. Когда Марк Павлович со своими сослуживцами подьехал к лагерю, тот уже был без охраны. Изможденные, на грани крайнего истощения люди, на морозе в легкой одежде и шлепанцах. Тюки с человеческими волосами, человеческие кости, сложенные в мешках, убогие бараки... Истинное лицо нацизма.

– Такая меня злость тогда взяла на немцев, – говорит Марк Иванихин. – И потом я видел и освобождал другие лагеря. Настоящие фабрики смерти. Надо иметь нечеловеческий разум, чтобы такое организовать. Если мы заставляли кого-то из охраны или работников лагеря, сразу расстреливали...

Одним из первых Марк Павлович вошел в Берлин в 1945-м. Город оказывал сильное сопротивление, бой был кровавым. Но больше всего молодому комбату запомнилась рейхсканцелярия. Там он увидел трупы Геббельса, его жены Магды и их отравленных детей. Неподолуче обнаружился и обугленный теле Гитлера, Евв, их собаки. Однако сейчас Марк Павлович не берется утверждать, что это был именно фюрер...

В разрушенной немецкой столице наконец-то пришло осознание победы и конца войны. На одной из колонн Рейхстага Марк Иванихин оставил надпись: «Я к вам пришел из Москвы, чтобы вы к

нам с войной не приходили».

Современному молодому поколению очень трудно представить, какими невероятными жертвами эти люди обеспечили нашу сегодняшнюю жизнь и наше будущее. Как говорит сам Марк Павлович, не дай Бог нам такое увидеть. А вот брать пример, конечно, стоит. Был свой идеал и у нашего героя – Андрей Болконский из «Войны и мира». Равнение на блестящего русского офицера помогало выжить, не падать духом, держаться.

– Мне как командиру падать духом вообще было нельзя. Хотя немного испугаешься и засуетишься – это моментально передается подчиненным. А они должны в тебя верить. И человеческое отношение – это главное. Я всегда старался заботиться о своих солдатах. Следил, чтобы они были сыты, размещены как следует. И поговорить, поддержать тоже обязательно. Хотя мне и 20 лет всего было, многие из батареи гораздо старше меня, из каждого находил доброе слово.

Подобные традиции он продолжает и по сей день. На своей должности неустанно проявляет заботу о вверенных ему ветеранах. Пенсии ведь невелики, а родственники есть далеко не у всех. Приходитесь и в больницу людей устроить, и братья за организацию похорон, а иногда и просто давать немного денег тем, кто оказался в безвыходной ситуации. На такую материальную помощь небольшие суммы регулярно выделяет мэр Москвы.

В преддверии Дня Победы Марк Павлович старается ни о ком не забыть, для всех устроит праздник. Ведь с каждым годом становится все меньше участников Великой Отечественной. Но память жива, и нужно сохранять ее как можно дольше.

70 лет назад в Берлине Марк Иванихин отмечал первый День Победы.

– Я собрал свою батарею в красивом четырехэтажном доме. Там было много роскошной дорогой посуды. Старшина приготовил ужин. Меня пригласил командир полка праздновать вместе с офицерами, но я отказался. Объяснил, что я прошел со своими солдатами от Москвы до Берлина и буду с ними.

Наталья ШУХНО

Пожелтевшая бумага хранит запах дома, запахов дороги, пороха, слез, тепло дрожащих пальцев, прикасавшихся к заветным строкам.

Сотрудница нашей газеты Лариса Еремеева принесла в редакцию подборку писем – часть хранящейся в семье переписки офицера Михаила Малосая, его жены Ольги и дочери-школьницы Жанны (будущей свекрови Ларисы). В этой переписке – история взросления, духовного роста и любви, история одной семьи, в которой легко читается история миллионов других семей, прошедших через ту войну.

По рассказам Ларисы, их девушка Михаил Ефимович – человек «без роду и племени». Младенцем его подобресли в многодетную семью. Детство прошло в бедности: Первая мировая война, революция, гражданская война, послевоенная разруха. Первым подался в «университетом» стал неизвестно откуда явившийся на чердаке сундук, набитый приключенческими книгами. Миша с детства хотел учиться, за год заканчивал два класса. Зайцем на поездках с Украинны подался в Москву в надежде найти учебное заведение с государственным обеспечением учащихся. Поступил в артиллерийское училище.

Бабушка Ольга Степановна тоже была «детдомовской»: туда ее от безысходности определила мать. В какой-то момент «заболов» цирком, Ольга стала ведущей гимнасткой. Жизненные пути юной артистки цирка и молодого красного командира пересеклись в Минске.

В октябре 1942-го Михаил писал:

«Дорогая Оленька! Сейчас октябрь. Лес, еще недавно одетый в пышную листву, оголился, а желтые листья, лежащие плотным покрывалом на земле, так знакомо шуршат под ногами. Вспоминаю 1931 год. Тогда был такой же октябрь, а шум листвев, таких больших и красивых, напоминающих собой нестрый ковер, был связан с самыми счастливыми днями нашей жизни. В те дни золотой осени Белоруссии мы были знакомы, любимы и счастливы. (...) Как все это было интересно и мило. Вся жизнь моя заключалась в тебе. (...) Сколько можно было бы еще написать приятных картин нашего прошлого. Появление у нас доченьки! Теперь она уже ученица 2-го класса. (...) Прошло

15 сентября 1942 года датирувано следующее послание: «Дорогие мои! Я сейчас нахожусь на весьма опасном участке фронта. Работы было много, и поэтому я давно не писал вам писем. Вы беспокоитесь, я знаю. Прости извинения. Условий не было подходить. Сейчас имею 10-15 минут сравнительного спокойствия, если не считать непрерывного гула стрельбы, воздушных бомбардировок и разрывов вражес-

кие снарядов в такой близости, что осколки стучат в крышу и дверь землянки. Чувствую себя, как всегда, бодро и весело. Правда, нервы устали, хотя понимаю, что нервы у нас должны быть крепче, нежели у врага. Посмотрев в зеркало дней 5 назад, ясно увидел седые волосы на висках».

10 января 1942-го Михаил пишет семье: «Я немного хворю. 31 декабря по неосторожности выпил 2 глотка сырой воды, что вызвало отравление желудка, и вот до сих пор страдаю. Есть опасения, что вода была отравлена немцами. (...) Ночь на 9 января чувствовал себя очень плохо. Когда боль утихла – уснул очень сладко. Во сне видел тебя и сына».

Ольга: «Приедешь к нам – мы расцелуем твои раны. Мои сердце как барометр: сразу чувствует, что у тебя что-то неладно».

Михаил: «Погибать я не собираюсь. Судьба сама решит этот вопрос».

Письма из дома не имеют датировки, приходится полагаться на интуицию, восстанавливая их последовательность.

В одном из них Ольга пишет: «После Ленинграда мы жили в Ижевске, где я устроилась на работу. Но потом списалась с братом Костей, в октябре уехала к нему на Урал, в Свердловскую область. Костя не попал на фронт по здоровью. (...) Рядом с ним нам гораздо легче, чем где-то среди чужих людей».

«Дорогие Оленька, Жанночка и Робочка! Я, ваш папочка, очень скучаю обо всех вас. Хочу вас видеть, но не могу, так как очень далеко. Конечно, хорошо, что вы далеко от фронта, не видите и не переживаете всего того, что переживают ленинградцы. (...) Я о вас всегда помнил, никогда не забывал. В самые трудные минуты жизни, когда смерть витала над головой, когда рядом падали убитые и раненые, я всегда мысленно был с вами, и это придавало мне стойкости».

15 сентября 1942 года датирувано следующее послание: «Дорогие мои! Я сейчас нахожусь на весьма опасном участке фронта. Работы было много, и поэтому я давно не писал вам писем. Вы беспокоитесь, я знаю. Прости извинения. Условий не было подходить. Сейчас имею 10-15 минут сравнительного спокойствия, если не считать непрерывного гула стрельбы, воздушных бомбардировок и разрывов вражес-

ких снарядов в такой близости, что осколки стучат в крышу и дверь землянки. Чувствую себя, как всегда, бодро и весело. Правда, нервы устали, хотя понимаю, что нервы у нас должны быть крепче, нежели у врага. Посмотрев в зеркало дней 5 назад, ясно увидел седые волосы на висках».

10 января 1942-го Михаил пишет семье:

«Я немного хворю. 31 декабря по неосторожности выпил 2 глотка сырой воды, что вызвало отравление желудка, и вот до сих пор страдаю. Есть опасения, что вода была отравлена немцами. (...) Ночь на 9 января чувствовал себя очень плохо. Когда боль утихла – уснул очень сладко. Во сне видел тебя и сына».

Ольга: «Приедешь к нам – мы расцелуем твои раны. Мои сердце как барометр: сразу чувствует, что у тебя что-то неладно».

Михаил: «Погибать я не собираюсь. Судьба сама решит этот вопрос».

Письма из дома не имеют датировки, приходится полагаться на интуицию, восстанавливая их последовательность.

В одном из них Ольга пишет: «После Ленинграда мы жили в Ижевске, где я устроилась на работу. Но потом списалась с братом Костей, в октябре уехала к нему на Урал, в Свердловскую область. Костя не попал на фронт по здоровью. (...) Рядом с ним нам гораздо легче, чем где-то среди чужих людей».

«Дорогие Оленька, Жанночка и Робочка! Я, ваш папочка, очень скучаю обо всех вас. Хочу вас видеть, но не могу, так как очень далеко. Конечно, хорошо, что вы далеко от фронта, не видите и не переживаете всего того, что переживают ленинградцы. (...) Я о вас всегда помнил, никогда не забывал. В самые трудные минуты жизни, когда смерть витала над головой, когда рядом падали убитые и раненые, я всегда мысленно был с вами, и это придавало мне стойкости».

15 сентября 1942 года датирувано следующее послание: «Дорогие мои! Я сейчас нахожусь на весьма опасном участке фронта. Работы было много, и поэтому я давно не писал вам писем. Вы беспокоитесь, я знаю. Прости извинения. Условий не было подходить. Сейчас имею 10-15 минут сравнительного спокойствия, если не считать непрерывного гула стрельбы, воздушных бомбардировок и разрывов вражес-

Ольга: «Я вас своих милых и родных никогда никому не отдам и ни на кого не сменяю. (...) Жизнь дается один раз и она слишком дорога. Хочется прожить ее так, чтоб, умирая, вспоминать, что я был в этой жизни не подлее. (...) Я считаю себя счастливой. Это счастье принес ты мне. Ты для меня – целый свет».

Михаил пишет 3 февраля 1943 года:

«Я жив, здоров. Войну на Юго-Западном фронте. Гроим немцев

и итальянцев. Они удивают, бросая всю технику и оставляя много пленных. С первых дней войны геббельсовская пропаганда трезвонила, что солдаты фюрера несут русским свободу. Наступать мы начали недавно, но уже успели насмотреться на результаты их «освободительного» похода. Много бед принесла война нашему многострадальному народу. Недавно увидел первую шахту Донбасса – печальное зрелище в этом некогда прекрасном и цветущем краю. Все омертвело. Немцы не смогли восстановить ни одной шахты. Люди голодают. Снабжения никакого. Я видел много донбасских женщин, везущих на санках последние пожитки, чтобы в селах на Дону обменять их на хлеб. В такую стужу (февраль!) пройти по донским степям не одну сотню километров, оставив дома годовых детей, – это ли не подвиг! Немцев ненавижу все от мала до велика. Нас же рабочие Донбасса встречают как своих освободителей...»

Даже в суровые военные времена души супругов тянулись к прекрасному.

6 июня 1945-го Михаил пишет из Берлина: «Жаль, что до сих пор в Берлин не приезжают театры, наши советские театры. Так хочется посмотреть хороший драматический театр или оперетту. Один раз ходил в цирк, смотрел немецких артистов. Работают хорошо. Книг на русском языке пока нет. Заняться в свободное время, кроме шахмат, нечем. Есть потребность в знании немецкого языка. Прошу тебя купить пару учебников немецкого языка – мне и моему товарищу».

Война изменила людей, многих сломала, погубила нервы, но она же заставила переосмыслить саму жизнь, научив ценить маленькие, но такие важные радости мирной жизни.

9 сентября 1945-го Михаил все еще в Германии:

«Милая Оленька! Как всегда, трудно привыкать к мирной обстановке, но приходится. 7 сентября присутствовал на параде советских, английских, французских и американских войск в Берлине. Наша пехота имела по сравнению с союзниками очень хороший боевой вид, а они ходят примерно так, как наши пионеры. Американцы проходили под фокстрот как на прогулке. Наши танки кое на кого произвели неожиданное впечатление. Союзники не ожидали, что у нас такие прекрасные машины. По моему мнению, наша армия на берлинском параде взяла первое место. (...)

Я приеду в отпуск примерно 20 октября. Я предвещаю нашу предстоящую встречу. У меня уже сейчас, когда я пишу эти строки, на глаза навернулись слезы радости от предстоящей встречи так тяжело настрадавшихся людей. А с другой стороны – слезы жалости к ушедшим годам разлуки, сделавшей нас такими «незнакомыми»... Я все еще не могу представить, что дети, оставленные мной совсем малыми, теперь уже такие взрослые».

И ответ жены Ольги: «Мы с тобой в разлуке больше 1000 ночей и дней. Эти дни тоски и муки мы стали только ближе, родней и верней друг другу».

Подготовила Мария ДАРМАНСКОЯ

такое на нашей земле больше не повторится»

Медаль «За боевые заслуги» напоминает Тамаре Семеновне о тех осенних днях 1943-го...

«А еще я никогда не забуду бои за город Херсон весной 1944-го, – говорит она. – Командование Красной армии приняло решение форсировать Днепр. Немецкая артиллерия и минометы со всех сторон обстреливали маленький плацдарм на реке. Казалось, что мы попали в огненный ураган». Под артиллерийско-минометным огнем Тамара эвакуировала в тыл 16 человек.

Переправившись через реку, наши солдаты начали очищать от неприятеля квартал за кварталом. Вражеские части были выбиты из города. За мужество, проявленное при освобождении Херсона, 15 советских солдат и офицеров получили звание Героя Советского Союза. А санитарструктор Карасюк была удостоена медали «За отвагу».

«Потом под Николаевом, в боях за Солдатские хутора меня ранило, когда я перевязывала одного бойца, – вспоминает Тамара Семеновна. – Внезапный грохот, черный дым, полетели комья земли... Я очунулась в госпитале. Первым делом, открыв глаза, спросила, как тот парень, которого я вытащила из-под обстрела. Сказали, жив. К счастью, и меня врачи выжили. И я снова отправилась на фронт».

Дорога на запад

После ранения Тамара Карасюк была переведена на должность писаря. Как-то раз на железнодорожной станции под Херсоном обаятельная Тамара разговорилась с группой солдат. Их состав отправлялся на запад. Среди красноармейцев был скромный и симпатичный боец по фамилии Брускин...

«Так я познакомилась с буду-

щим мужем. Вместе мы прошли Молдавию, Румынию, Венгрию...» – рассказывает Тамара Семеновна.

На черной-белой карточке – группа молодежи у памятника в Будапеште. Посередине – улыбающаяся Тамара в украинской рубашке. Май 1945 года. Столица Венгрии, освобожденная Красной армией, дышит весной и свободой...

«В Будапеште мы и получили радостную весть о капитуляции фашистской Германии», – вспоминает Тамара Семеновна.

Небо над Будапештом светилось от огня, содрогалось от залпов и радостных криков людей...

Будапешт – Псков – Донецк

Вскоре она стала уже не Карасюк, а Брускина. Через год в Румынии родился старший сын. А

всего у Тамары родилось четверо детей.

Семья Брускиных вернулась в СССР и поселилась в Пскове. Здесь Тамара смогла продолжить образование – окончила школу, получила аттестат в 1950 году. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт, а затем Псковский пединститут. Получила профессию педагога – преподавала в школах историю, обществознание, немецкий язык.

В 1968 году семья Брускиных переехала в Донецк. «Все-таки поближе к родным местам», – думала Тамара и в душе радовалась. Тамара Семеновна снова преподавала – в школе №134 и ПТУ № 62. Конечно же, часто рассказывала ученикам о военных годах. Всегда напоминала им о том, какой на самом деле хрупкий этот мир и как важно его беречь...

Новая война...

В 1982 году Тамара Семеновна вышла на пенсию. Казалось бы, ей, прошедшей самую страшную войну в истории человечества, жившей под минометным градом, спасшей десятки жизней, жить бы на старости лет в тишине и спокойствии.

«Пережив войну, столько раз обманув смерть, я была уверена: такое на нашей земле больше никогда не повторится. Ведь мы победили фашизм, мы дошли до Берлина и уничтожили последние остатки этого зла!» – признается она.

Но 70 лет спустя Донецк и его пригороды снова содрогнулись от взрывов и грохотов боевых снарядов... Только теперь стреляли не немцы, а какие-то инородные захватчики, пришедшие издалека. Стреляли свои по своим же.

Летом 2014-го Донецк впер-

вые подвергся обстрелам авиации и артиллерии украинской армии. Рушились дома, гибли люди... Те, кто выжил, эвакуировались из опасных районов.

Дети Тамары Семеновны решили срочно забрать мать в Россию, к себе. «Собрали все необходимое, на руках был билет Донецк – Белгород, – вспоминает Тамара Семеновна. – Но на вокзале нас словно оглушила ужасная новость: взорваны участки Донецкой железной дороги – поезда не ходят!»

9 часов 90-летняя женщина вместе с родственниками провела в ожидании на вокзале...

К счастью, все позади...

Сейчас за окном Тамары Семеновны тихий дворик Белгорода. Рядом – любимые и близкие.

Недавно получила российское гражданство.

«Но сердце болит за тех, кто остался в Донецке. Думаю о каждом, как они – успели ли выехать? Людмила Ивашкевич, заведующая хирургическим отделением в 1-й горбольнице, говорила мне: «Мэру, но Донецк не брошу». Видела в новостях, во что превратился наш Донецкий аэропорт... В страшном сне такого не могла себе представить!» – переживает Тамара Семеновна.

9 Мая в доме Тамары Брускиной, по старой традиции, всегда собираются друзья и близкие. Слава Богу, что этот День Победы, 70-й, она встречает в тишине и спокойствии, окруженная любовью и заботой. Гости непременно просят Тамару Семеновну спеть. Она затягивает своим сильным мелодичным голосом, слегка прикрыв глаза, ту самую старинную песню о воле и о соколе в ясных не-

бесах. И чудится ей терпкий запах цветущей вишни в садах Краснопавловки...

Татьяна КУТАРЕНКОВА

